

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253.5)

В.П. Шахеров
*кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет*

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗАСТРОЙКА ИРКУТСКА В КОНЦЕ XVIII — XIX вв.

Анализируется процесс развития городской застройки и благоустройства Иркутска, определяются основные этапы развития города, роль городского самоуправления и инициатив горожан по созданию комфортной среды проживания.

Ключевые слова: Иркутск, городское хозяйство, застройка, благоустройство, среда обитания.

V.P. Shakhеров
*PhD in History, Associate Professor
Irkutsk State University*

MUNICIPAL ECONOMY AND CONSTRUCTION OF IRKUTSK IN THE LATE XVIII — XIX CENTURY

The article analyzes the process of development of the urban development and improvement of Irkutsk, identifies the main stages of development of the city, the role of local self-government and initiatives of the townspeople to create a comfortable living environment.

Keywords: Irkutsk, municipal economy, construction, landscaping, living environment.

Проблемы качественного развития городского пространства дореформенного сибирского города, формирования основ жизнеобеспечения горожан лишь сравнительно недавно стали объектом научного изучения. В последние годы появилось несколько специальных работ, посвященных благоустройству и развитию коммунального хозяйства городов Западной Сибири [3; 6; 14]. Между тем, это интереснейшая исследовательская проблема, имеющая самостоятельное и актуальное значение.

Изучение благоустройства и городского хозяйства сибирских городов позволяет полнее и нагляднее представить процессы социально-экономического и культурного развития городов, степень зрелости сибирского общества и городского самоуправления. Изучение данной проблемы на примере одного из ведущих городов Сибири Иркутска дает возможность более детально познаться с развитием коммунального хозяйства, деятельностью органов самоуправления и губернской власти, проявлением общественных инициатив по формированию центра Восточной Сибири, приданию ему нового архитектурно-пространственного облика и комфортной среды обитания.

До середины XIX в. городское благоустройство практически отсутствовало даже в крупных городах Сибири. «Сибирские города имеют жалкий вид, — отмечал современник, — вдоль узких, немощеных улиц, с гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившиеся дощатые заборы вперемешку с низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8–10 вершков свежим или неперепревшим навозом. Города малолюдны; наступившая ночь загоняет всех жителей в комнаты; закрываются ставни и жизнь замирает над пустынным, почти не освещенным городом; только уныло перекатывается по дворам вой и лай многочисленных собак... Чем дальше к северу, тем грязнее и беднее города» [20, с. 75].

Отмеченные наблюдения относились к Западной Сибири, но и на востоке дела обстояли не лучше. «Многие старинные ветхие дома, — записывал свои впечатления от Иркутска М.А. Александров, — выходили на улицы (впоследствии прорезанные по плану) иные углами, иные полусгнившими сараями. Тротуары, и то до крайности жалкие, существовали только на двух улицах, именно на Заморской и Благовещенской. Берег Ангары, великолепный по местности, ...завален мусором, который очищался ежегодно весенними разливами величественной, чудной, единственной реки по своему значению... Иркутск в то время имел физиономию чисто сибирского города» [5, с. 415]. Состояние благоустройства в других городах Восточной Сибири также оставляло желать лучшего. Генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт в отчете 1838 г. по управлению краем констатировал: «Постройка домов в городах неправильна, и не только

не имеет красоты в фасаде и отделке, но даже нередко доходит до безобразия. Вообще города не имеют хорошего вида, чистота улиц равняется неопрятному виду строений»¹.

Несмотря на отсутствие каких-либо целенаправленных и сознательных действий властей по благоустройству сибирских поселений, отдельные работы в городах проводились уже в XVIII в. Прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири привносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Даже Иркутск, быстро ставший важнейшим общесибирским центром, был построен на низменном месте. Вокруг острога было много заболоченных участков и мелких озер. С выходом иркутского посада за стены острога жителям пришлось принимать меры по осушению городской территории. В 1690-х гг. были прорыты каналы до Ангары и спущена вода из озера, располагавшегося южнее острога. Само оно было засыпано землей и постепенно превратилось в обширную площадь, ставшую со временем центральной.

Первоначально жилая застройка в Иркутске формировалась по берегу Ангары справа и слева от острога. Причем, быстрее она росла в Идинском направлении, где берег был выше и в меньшей степени подвергался затоплению при разливах Ангары. Именно в эту сторону от острога начинает формироваться торговый центр с деревянным гостиным двором и таможней. Развитию этой части города содействовало ее положение: сюда выходила переправа, соединявшая город с Московским трактом, а также выход к берегу р. Ушаковки (Иды), где уже с конца XVII в. располагались мукомольные мельницы, лежали сенокосные и пашенные угодья горожан. Противоположная Ангарская сторона развивалась более медленно. Территория здесь была низменная, покрытая небольшими болотцами. Местность в районе будущей Троицкой церкви получила в народе название «Потеряха». В топких болотцах и озерах ее часто терялся домашний скот иркутян.

К середине XVIII в. отпала необходимость в сохранении оборонительных сооружений в сибирских острогах и городах. Без

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 3. Д. 81. Л. 2.

постоянного ремонта и сохранения они постепенно приходили в полную негодность и разрушались. Деревянный палисад Иркутска уже к 1760-м гг. в значительной степени сгнил, местами развалился, ров осыпался. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. Вскоре на его месте появилась самая протяженная в городе улица — Перспективная. Острог же просуществовал до 1790-х гг. Летом 1790 г. во время сильного наводнения береговую стену и башни подмыло, и они были разобраны. По словам иркутского военного губернатора Б.Б. Лещано, острог в это время представлял «ветхое деревянное крепостное строение, которое было подвержено совершенной гнилости и время от времени разваливалось и безобразило собою все окружающее место» [17, с. 24]. Ввиду этого он распорядился расчистить место острога и разбить там городской сад.

Об Иркутске конца XVIII — начала XIX в. современники оставили нелицеприятные высказывания. Так, И. Калашников писал, что после проливных дождей городские улицы и площади становились совершенно непроходимыми. «Невысыхаемая грязь не была, однако ж, единственным достоинством иркутских улиц. Они были, сверх того, косы и кривы, тянулись, как им было удобнее, не устаивая городской план ни малейшего внимания... К довершению картины город был украшен тысячами колодезных столбов, торчащих из каждого огорода» [5, с. 359–260]. Городу еще повезло, что почва здесь была в основном песчаная, и вода не успевала накапливаться. «Улицы в нем, — писал другой современник, — как и во всех старинных городах, по большей части узки, но берег, на котором Иркутск построен, так сух, что, несмотря на случающиеся там продолжительные дожди, он скоро обсыхает и грязи в городе нигде не видно» [13, с. 27].

Вплоть до середины XIX в. все городское благоустройство в Сибири ограничивалось примитивными дренажными работами и попытками обустройства дорожного полотна, устройством простейших мостов и перевозов, укреплением береговой части города. Еще при первом иркутском губернаторе К.Л. Фрауендорфе в городе были начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укрепления берега Ангары. Первый обруб по берегу реки в районе городской канцелярии был поставлен в 1749 г. в связи

с разрушением части берега. Укрепление состояло из сплошного деревянного частокола из лиственничных бревен, вбитых в дно реки. Над обрубом были сооружены несколько деревянных башен. Лет через десять береговое укрепление частично разрушилось и сгнило. В 1767 г. его восстановили, укрепив новыми сваями. Сильное наводнение в июле 1790 г. разрушило обруб, повредив деревянный настил над ним. Тогда же были смыты водой береговые крепостные башни. В мае 1792 г. правительством было выделено 22 тыс. р. на строительство нового обруба. Работы были поручены члену иркутской казенной палаты А. Худякову и архитектору Тимашевскому. Предполагалась вновь вбить сваи на протяжении 350 саж, высотой в 3 сажени. Работы были завершены к 1795 г. и обошлись в 15,7 тыс. р. Оставшаяся сумма предназначалась для периодического ремонта и поддержания укреплений. В августе 1802 г. при очередном текущем ремонте укреплений берег над ними благоустроили. Над обрубом установили деревянный настил, на котором было построено несколько беседок, превратив его, таким образом, в первую благоустроенную набережную.

При К.Л. Фрауендорфе начались проводиться и первые мероприятия по упорядочению городской застройки. «Сей начальник, — отмечал А.И. Лосев, — имел большое знание в математике и много находил дела для упражнения разума своего и побуждения прилежности в тех, коих должность ведет к знанию фортификации и гражданской архитектуры» [15, с. 197]. Из учеников навигационной школы он отобрал наиболее способных для участия в съемке местности в окрестностях города и составления нового плана Иркутска. В его новом губернаторском доме расположилась чертежная мастерская, в которой изготавливались планы городов губернии. Молодые геодезисты проводили планировку улиц, разбивали город на кварталы. На всех улицах появились доски с названием улиц и указанием их направления. Итогом этой работы стал план Иркутска 1768 г., составленный М. Татариновым. Он не только зафиксировал существующие постройки, но и отразил перспективы дальнейшей застройки города. В результате его осуществления в 1760–1770-х гг. центр Иркутска подвергся существенной реконструкции: были выпрямлены и расширены улицы, намечены некоторые площади,

начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укрепления набережной Ангары.

Территориальный рост города сопровождался появлением новых кварталов, пространственно оформляемых улицами и переулками. Так, на плане 1768 г. кроме 20 отмеченных улиц можно насчитать еще более 20 двухсторонних или односторонних рядов застройки. Возможно, часть из них к тому времени получила свои имена. Дальнейшее оформление городской топонимика Иркутска получила на планах 1784 г. и конца XVIII в. На них уже поименована 31 улица города [25, с. 120]. До появления профессиональных архитекторов в Иркутске проектные работы выполняли геодезисты. Так, сержанты геодезии М. Сургуцких и Е. Цепельников построили ряд административных и общественных зданий. В 1792 г. был утвержден первый регулярный план Иркутска, выполненный архитектором Алексеевым. Он сохранял композиционную основу старой части города и намечал более четкую прямоугольную структуру в новых направлениях, за линией прежнего палисада. Иркутск к этому времени вытягивался вдоль основных торгово-почтовых трактов — Московского, Якутского, Байкальского, формируя новые предместья и слободы. Этим же планом регламентировалась необходимая ширина улиц. Для главных она определялась в 12 саженей, для второстепенных в 8. Планом рекомендовалась и площадь городских усадеб. По периметру она могла достигать до 578 м. В отношении самих жилых домов предлагалось использовать определенные типовые фасады, имевшие установленную окраску и стиль.

Приемники первого иркутского губернатора более отличались административным рвением, чем стремлением действительно благоустроить городское пространство. Так, иркутский губернатор Ф.Г. Немцов пытался достаточно жесткими методами воздействовать на горожан. По сведениям одной из иркутских летописей, он «приказал жителям строить около домов своих мостики (тротуары), а где их не было построено, вызывал хозяина и перед его же домом наказывал, чем попало» [8, с. 106].

Человек честный и прямой военный губернатор Б.Б. Лещано нажил себе многих врагов среди иркутян, пытаясь приучить их к порядку и чистоте. Он запретил разводить в городских огородах табак и хмель, повелев вынести их посадки на окраи-

ны, ввел штрафные санкции за бродячий по улицам скот. А его распоряжение обсадить березами лучшие в городе улицы были восприняты жителями как «отяготительный налог» и вызвали многочисленные жалобы [8, с. 153].

К концу XVIII в. вслед за Европейской Россией города Сибири встали на путь перехода к регулярной планировке и рациональному освоению территории. «Живописный» город постепенно превращался в «регулярный». Становление перспективных планов шло трудно и занимало много времени. Известным препятствием на пути составления и внедрения планов были традиции старой застройки. Сказывалось также отсутствие опыта работы. Из-за этого прогностическая функция планов зачастую оказывалась безрезультатной. Нередко в уже утвержденный план вносились дополнения и изменения. Создание перспективных планов способствовало формированию и закреплению в исторической перспективе городского ядра, административных, торговых, духовных центров, направлений главных магистралей.

Работы по планировке провинциальных городов велись под руководством Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы, основанной в самом начале царствования Екатерины II. Одной из задач ее было распространение принципов типового и повторного строительства на территории страны. Под руководством Комиссии были разработаны и рекомендованы для внедрения книги типовых проектов фасадов жилых домов. Первая такая книга «Опыт городским и сельским строениям» вышла в 1785 г. Однако на практике к типовому строительству в глубинке обращались мало. Сам характер строительства в провинциальных городах препятствовал широкому применению типовых проектов. Только центры городов, где застройщиками или координаторами массового строительства выступали в основном губернские власти, получали более или менее целостное ансамблевое решение. Лишь в начале XIX в. «образцовые» проекты становятся основой массовой городской застройки, обеспечивая ей высокое качество и уникальное стилевое единство. Новая «серия» типовых проектов жилых домов и других частных построек была издана в 1809–1812 гг. В пяти альбомах были представлены 224 проекта жилых, хозяйственных, промышленных, торговых и других зданий и свыше 60 проектов заборов и

ворот [18, с. 81]. В таких отдаленных городах как Иркутск эти альбомы были почти единственным практическим руководством для местных архитекторов и строителей.

Типовые проекты жилых и казенных зданий носили главным образом рекомендательный характер. Сама методика применения их на практике позволяла учитывать реальные эксплуатационные и градостроительные требования и вносить необходимые изменения в композицию планов и фасадов. Подобная практика давала простор для творческой мысли местных архитекторов, что не могло не отразиться на своеобразии и индивидуальности городской застройки. Конечно, большинство домов первых иркутских архитекторов были не так легки и изящны, как строения столичной классической архитектуры. Так, современники критически относились к пристрастию иркутского архитектора Я. Кругликова к высоким крышам, придававшим городу вычурный готический вид. Но как отмечал А.Н. Копылов, «крутые высокие крыши и приземистость построек в XVIII и начале XIX вв. были типичны не только для Иркутска. Они имели очень широкое распространение и свидетельствовали не об архитектурной безвкусице, а об общем для Сибири отставании в усвоении новых архитектурных стилей и о практичности сибиряков. Такие постройки лучше сохраняли тепло и были устойчивее против снежных заносов» [12, с. 156].

Переход к перспективному планированию способствовал упорядочению работ по благоустройству, придавал им целенаправленность и системность. Этими вопросами занимались как городские власти, так и губернское начальство. На первом месте для городов региона стояли вопросы устройства мостовых, взвозов, мостов, перевозов, дренажные работы, устройство садов и мест отдыха, санитарно-технические мероприятия. В большей степени эти вопросы ставились и решались в крупных городских центрах, в первую очередь в Иркутске и ряде уездных городов. Малые города региона вообще не отличались каким-либо уровнем благоустройства.

И все же внимание к внешнему облику города было связано не столько с заботой правительства и губернской администрации, сколько с ростом городских доходов, а самое главное с появлением в сибирских городах определенной прослойки сред-

них городских слоев, представленных купечеством и верхушкой мещанства. В их среде формировались собственные представления о городе, не только как о месте проживания и работы, но и досуга. Подобные изменения в образе жизни коснулись, прежде всего, наиболее крупные города региона.

Появление на местах губернских архитекторов заметно улучшило размах и качество архитектурно-строительных работ. В 1801 г. в Иркутске была учреждена «Контора строений домов и разных ремесел», при которой действовал Рабочий ремесленный дом. Среди его мастеровых были ремесленники 15 строительных специальностей. В марте 1809 г. в губернском центре начинает действовать Строительная экспедиция, в ведение которой входил круг вопросов планировки и застройки в Иркутске и уездных городах Иркутской губернии. Именно через нее рассылались альбомы с образцами фасадов жилых домов. В строительном деле существовала жесткая регламентация. Для строительства новых зданий и реконструкции уже существующих в городах губернии помимо разрешения местной полиции требовалась санкция Иркутской строительной комиссии. Только с 1853 г. указом Сената право разрешать новые постройки предоставили городничим. В целом, административный контроль содействовал распространению типовых фасадов, унификации и согласованности городской застройки.

Настоящая архитектурная революция была произведена при гражданском губернаторе Н.И. Трескине. Даже беглый взгляд на столицу Сибири побудил его вплотную заняться планировкой и благоустройством города. В постановлении 1810 г. он отмечал, что «губернский город, толико известный по знатной торговле и промышленности своей, остается... почти в первобытном его состоянии. Не только лучшие улицы в плане назначенные, но даже площади городские остаются по сия время стеснены ветхими вышедшими в линии плана строениями, в которых, несмотря на опасность скорого падения, гнездятся хозяева, и которые кроме чрезвычайного безобразия, угрожают общему опасностью при малейшем пожаре»¹. Достаточно жестко губернатор потребовал от населения привести свои жилища в соответствие с планом го-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 1543. Л. 11.

рода, запретив чинить и поправлять старые постройки. С домами, стоящими не по плану, власти не церемонились. Надолго запомнили иркутяне «гуцинскую команду» из ссыльных, которая не останавливалась перед ломкой дома, если его фасад выступал на улицу и мешал движению. Н.И. Трескин ревностно исполнял высочайший циркуляр от 8 марта 1811 г., который обращал особое внимание на благоустройство губернских центров. На его основе он издал собственный указ «О содержании в чистоте городов», в котором сформулировал правила приведения улиц и дворов в порядок, содержания скота и других домашних животных, прекращение бродяжничества. В.И. Вагин назвал этот проект любопытным памятником «тогдашнего состояния наших городов» [1, с. 187–188]. Через несколько лет были опубликованы дополнения Трескина к этому указу — «Правила для наблюдения за ночными сторожами и чистотой в городе».

Н.И. Трескин нашел, что устройство мостовых в Иркутске затруднительно из-за топкого грунта. Поэтому он распорядился вместо мощения улиц засыпать топкие места землей и битым камнем (хрящом). Предполагалось в дальнейшем ежегодно исправлять и выравнивать полотно улиц тем же битым камнем¹. В более сухих местах города предполагалось выравнивание полотна хрящом, а для стока воды делать по сторонам улиц канавки. Специально для ремонта улиц и площадей города был введен сбор хряща, то есть устанавливали норму сбора его с каждого воза или судна. Для исправления дорог с городского общества было собрано более трех тысяч рублей².

Общее руководство по благоустройству Иркутска возлагалось на инженерных чиновников и губернского архитектора. В первую очередь исправляли полотно главных площадей города и в районе казенных и общественных зданий. При этом только часть территории ремонтировалась за счет собранных средств. Владельцы домов и торговых заведений, а также настоятели храмов, расположенных в центре города, должны были производить ремонт на прилегающих к их строениям участках улиц за свой счет. Чтобы облегчить положение малоимущих жителей, их не стали обреме-

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 438.

² Там же. Л. 439-439об.

нять дорожными сборами. Работы по ремонту полотна улиц около их домов осуществлялись за счет городского общества. Работы производились в основном в теплое время года с апреля по октябрь. Все виды работ — рубка фашичника, отсыпка полотна землей и песком, выравнивание улиц, покрытие их битым камнем — производились силами ссыльных, еще не водворенных на места поселения. Количество их постоянно росло. Если в 1813 г. в работах было занято всего 10 чел., то уже в 1818 г. ежедневно в дорожных работах участвовало по 109 ссыльных¹. Соответственно увеличивались и объемы работ. За несколько лет они возросли более чем в три раза. Если в 1816 г. было исправлено всего около 5 тыс. кв. саженей, то уже через год — 16,8 тыс. Всего же с 1813 по 1818 гг. было исправлено более 46 тыс. кв. саженей городских улиц и площадей Иркутска. Больше половины объема этих работ приходилось на центральные районы города.

О размахе благоустройства городских улиц свидетельствует и постоянно растущее финансирование работ. Если в 1813 г. было выделено 3,6 тыс. р., то в 1817 г. было освоено уже 14,3 тысячи. Всего же за эти годы на ремонт и исправление городских улиц и площадей было затрачено более 40 тыс. р. Помимо общественных сборов и «хрящевой» повинности к финансированию ремонтных работ привлекали также представителей крупного капитала. Начиная с 1817 г., по 5 тыс. р. ежегодно выделяли на эти цели держатели винного откупа по Иркутской губернии казанский купец Патюков и тобольский купец Кузнецов². Для лучшего функционирования торговой инфраструктуры городские власти принимали меры для организации и благоустройства торговых пространств. Так, в 1812 г. иркутская городская дума выделила 10,6 тыс. р. на строительство мясных рядов по ул. Соляной, рыбных на 6 Солдатской и каменных торговых рядов на Толкучем рынке. Кроме того, планировалась постройка трех постоянных дворов для приезжающих в город торговцев [9, с. 40].

Деятельность иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, достаточно неоднозначная в целом, содействовала, тем не менее, упорядочению городской застройки и благоустройству, бо-

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 480.

² Там же. Д. 46. Л. 317, 468.

лее соответствующей статусу столицы Сибири. «Самый Иркутск, утопающий до него в грязи и перепутанный кривыми, странными переулками, — отмечал В. Паршин, — он совершенно преобразил и дал вид приличный губернскому городу. Улицы в нем вымощены фашинами и усыпаны хрящом, бугры выровнены, кривые и глухие переулки уничтожены, и чтобы спасти город от наводнения грязи и от озер дождевой воды, стекавшей прямо в улицы с Иерусалимской горы, облегающей с южной стороны город, он огражден во многих местах канавами» [19, с. 111]. Правда, эти слова больше относились к центру города. Чуть в стороне от главных улиц по-прежнему было много старых покосившихся деревянных домов и улиц, забитых грязью и мусором.

В первой половине XIX в. продолжились работы по благоустройству набережной Ангары. Еще при Н.И. Трескине в 1812 г. были составлены два проекта новой набережной Иркутска в деревянном и каменном исполнении. В 1819 г. проектом укрепления берега Ангары и устройством набережной в Иркутске занимался будущий декабрист Г.С. Батеньков. В феврале 1822 г. его проект был высочайше утвержден. Однако, из-за недостатка средств, работы начались только в 1823 г. Общее руководство работами осуществлял инженер-полковник А.А. Медведев. Общая стоимость работ составила 100 тыс. р. Вместо обруба было решено соорудить откосные укрепления. От Московских ворот до места бывшего острога в берег был вколот тын из толстых лиственничных бревен. В глубину берега до трех саженой было сделано особое сооружение также из толстых бревен, свинченных в несколько рядов железными болтами. Затем все сооружение было засыпано землей, битым камнем, кирпичами и утрамбовано. Сверху весь береговой откос был облицован каменными плитами из местного серовика. Напротив духовной семинарии и Богоявленского собора к воде были проложены каменные лестницы. На месте бывшего острога около Спасской церкви был разбит городской сад. В результате этих работ вид береговой части города стал более привлекательным, и она вскоре стала любимым местом отдыха горожан. Как отмечал иркутский краевед Ю. Джулиани, город украсился «прекрасною набережною, близъ коей устроен сад в английском вкусе» [4]. Во второй четверти XIX в. береговые

укрепления — обрубы были сооружены и на других участках ангарского берега — около Знаменского женского монастыря и на участке от Дехтевской улицы до Базановского взвоза.

В 1830–1840-х гг. кроме обычного исправления улиц в центральной части города были проведены работы по устройству деревянных тротуаров и канав для стока дождевой воды. Более серьезное внимание уделялось оформлению и названиям улиц. В 1838 г. городская управа представила на утверждение губернатору реестр названий всех улиц, переулков и площадей. Предлагалось установить в начале и конце каждой улиц деревянные столбы с дощечками, на которых были указаны их названия. Всего в это время в городе считалось 66 улиц и 9 переулков¹.

Основные работы по благоустройству города затрагивали в основном его центральную часть. Окраины и предместья по-прежнему отличались своим сельским видом. Был он связан в основном с хозяйственными занятиями горожан, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Все это требовало наличия хозяйственных сооружений, амбаров, конюшен, стаек. Даже в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Содержание и выпас скота доставлял горожанам немало неудобств, загрязняя и без того не отличающиеся особой чистотой улицы. Еще в 1842 г. иркутские власти установили штраф с домохозяев в размере 5 к. за бродячий скот². Необходимо отметить, что в городе насчитывалось до 2,5 тыс. лошадей и около 2,4 тыс. коров.

Большинство современников отмечали плохое санитарное состояние городов, что отрицательно влияло на жизнь горожан. «Значительная смертность в сибирских городах, — отмечал П. Головачев, — происходит от господствующей в них грязи, нечистоты, обыкновенно плохого качества питьевой воды, скопления уголовных ссыльных, не имеющих занятия и приюта, часто вспыхивающих эпидемий тифа, скарлатины и дифтерита» [2, с. 271]. Утопавшие в грязи улицы заставляли городскую администрацию заниматься обустройством мостовых. В дореволюционной России самой распространенной была булыжная мостовая, сложенная из

¹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4611. Л. 13об.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1066. Л. 2.

круглых или овальных камней — булыжников. Достоинством ее являлась прочность и то, что она, благодаря неровностям, не была скользкой в дождь и грязь. Недостаток заключался в тех же неровностях, отчего экипажи по ним тряслись и громыхали. Грохот этот был настолько силен, что перед домами, где находились пожилые и больные люди, мостовую застилали соломой. Широкое распространение в это время получили также мостовые из щебенки или хряща (мелкого дробленого камня). Большинство же улиц не имело вообще никакого покрытия и представляло собой обычную проселочную дорогу, а ухабы и ямы в лучшем случае заваливались хворостом и засыпались песком.

В силу общей экономической и культурной отсталости сибирских окраин, а также из-за климатических условий в городах Сибири только в середине и во второй половине XIX в. начинают прививаться отдельные элементы садово-паркового искусства. В окрестностях большинства сибирских городов располагались значительные лесные массивы, но озеленение их самих оставляло желать лучшего. Даже в губернском центре лишь при домах крупных чиновников и купцов были сады и оранжереи. Мест для народного гуляния и отдыха было крайне мало. Кроме набережной, которая мало посещалась иркутянами «по непривычке», в городе было еще два места отдыха: сад, устроенный еще Ф. Кличкой около своего загородного дома на Ангаре (позднее в этом месте было построено каменное здание института благородных девиц) и «публичный Портновский сад» на Ушаковке, который купец Портнов пожертвовал городу. При Н.И. Трескине там был выстроен зал для танцев и фонтаны, вода для которых была проведена из реки. Там же на Ушаковке была огорожена забором бывшая комендантская березовая роща. Здесь даже были устроены «кое-какие беседки», но из-за неудобного местоположения она также не пользовалась вниманием посетителей. По-прежнему, любимыми местами всех горожан оставались берега Ушаковки, в летнее время целыми семьями выезжали на Иркут и Каю.

Первый же городской публичный сад был разбит на пустынном месте, оставшемся после разборки последних острожных сооружений, в октябре 1824 г. Создание его было связано с именем декабриста А.Н. Муравьева, служившего в Иркутске в 1828–1832 гг. городничим. На месте обруба был устроен первый

городской бульвар, засаженный в четыре ряда тополями¹. Здесь устраивались представления, гуляния и иллюминация. Сад был оборудован галереей для музыки и танцев, по выходным и праздничным дням играл духовой оркестр. После пожара 1879 г. Спасский сад был заново перепланирован. Для его благоустройства городским головой В.П. Сукачевым было выделено из своих средств 10 тыс. р. Следует отметить, что он много сделал для озеленения города. В конце XIX в. одним из любимых мест отдыха стал Сукачевский сад, устроенный вокруг его загородной усадьбы. Одной из самых смелых его идей была мечта о создании «зеленого кольца» парков вокруг Иркутска [16, с. 12]. В 1860-х гг. по решению городской управы Иркутска на месте старой березовой рощи в устье Ушаковки был устроен второй городской сад, получивший название Интендантский. В нем были разбиты аллеи, водные каналы и пруды с мостиками, построены беседки. Со временем он стал наиболее любимым местом организованного отдыха иркутян. В 1890-х гг. здесь был построен летний театр, работал цирк, библиотеки-читальни, буфеты. В зимнее время устраивался каток и ледяные горки.

К элементам городского благоустройства относились также места захоронений. По давней христианской традиции умерших хоронили на освященной земле близ церквей и монастырей. Первое иркутское кладбище располагалось неподалеку от стен острога у Спасской церкви, а в дальнейшем небольшие погосты возникли практически при каждой приходской церкви. Расширение городских территорий, задачи их благоустройства и улучшения санитарного состояния требовали радикальных мер и в этой деликатной сфере городского общежития. Рядом указов 1760–1770-х гг. Екатерина II распорядилась организовать в российских городах особые места для захоронений, специально оговаривая, чтобы они располагались за городом и были окружены ограждением. В развитие этих предписаний иркутский губернатор А. Бриль еще в 1768 г. запретил хоронить усопших при Спасской церкви и в других храмах города, распорядившись вынести место погребения к находящейся на окраине Крестовоздвиженской церкви². Здесь на Иерусалимской горе и было

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 47. Л. 68об.

² ГАИО. Ф. 276. Оп. 2. Д. 1. Л. 105.

учреждено городское кладбище. Свое название местность эта, а за ней и кладбище получили от небольшой каменной церкви во имя входа в Иерусалим Иисуса Христа, заложенной в 1793 г. В это же время кладбище окружается рвом и земельным валом. После открытия городского места захоронения при церквях остались лишь небольшие некрополи для захоронения священнослужителей и наиболее почетных прихожан. Со временем небольшие кладбища появились в предместьях города Знаменском и Глазковском, отделенных от города Ангарой и Ушаковкой.

К концу XVIII в. особое внимание в России стали обращать на насыщение городского пространства малыми архитектурными формами. Непременным атрибутом городских площадей и улиц стали верстовые и указательные столбы, шлагбаумы, полицейские будки, фонари и столбы у тротуаров, уличные мостовые, набережные, мосты и другие сооружения, которые также возводились по типовым проектам. Многочисленные типовые проекты элементов городского благоустройства издавались печатным способом и рассылались на места. Так, к 1805 г. относится чертеж, «каким образом обсушивать городские улицы», представлявший собой типовые профили улиц для провинциальных городов. В том же году были сделаны проекты верстовых столбов, указателей, шлагбаумов, полицейских и солдатских будок и т.д. [18, с. 134]. Подробное техническое описание способов строительства дорог, мостов, перевозов содержал указ 1817 г. «Об устройстве городов и селений». В разделе «О городах» наряду с указаниями о соблюдении чистоты и порядка приводились строго определенные цвета для окраски домов. Образцы «дозволенных» цветов — белого, палевого, бледно-желтого, светло-серого, бледно-розового и желто-серого — присылались на «дощечках» Министерством внутренних дел [18, с. 135]. Большое внимание уделялось оформлению въездов в города. Как правило, это были либо арки, либо обелиски, поставленные по обе стороны дороги. Впрочем, подобные архитектурные сооружения были крайне редки в сибирских городах. В основном они появлялись в губернских городах к особо торжественным случаям.

Впервые подобное сооружение было построено в Иркутске в 1789 г. для встречи нового генерал-губернатора И.А. Пиля. Это была временная деревянная триумфальная арка, поставленная

при въезде в город по Московскому тракту. Более монументальны и долговечны были Московские триумфальные ворота, построенные в 1811–1813 гг. в Иркутске архитектором Я.А. Кругликовым в честь десятилетия воцарения Александра I. Располагались они на берегу Ангары в районе Московской заставы и оформляли собой главный въезд в город. Это было массивное каменное сооружение в четыре этажа, выполненное в стиле ампир. Высокая арка ворот была достаточно красива. Центральный фронтон ее был украшен двумя симметрично расположенными рогами изобилия и другими лепными украшениями. Окрашены ворота были в светло-желтый цвет, а колонны и вся лепнина в белый. Хотя архитектура Московских ворот, по мнению специалистов, носила «сильный провинциальный оттенок», они в течение многих лет украшали Иркутск, придавая ему столичный вид [23, т. 1, с. 248–252].

Еще одни триумфальные ворота, уже деревянные, окрашенные в темно-синий цвет, с надписью на северном фронтоне «Дорога к Великому океану», появились в Иркутске в августе 1858 г. Они были построены по проекту городского архитектора А.Е. Разгильдеева к торжественной встрече генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, подписавшего Айгунский договор, определивший границу между Россией и Китаем по Амуру. Ворота были выстроены у Заморской заставы в створе улицы Заморской, к которой подходил тракт от Байкала. Первоначально они ставились как временные, и после торжеств должны были быть убраны. Но так органично вписались в городскую застройку, став достопримечательностью одной из центральных магистралей города, что городская Дума решила сохранить их в качестве памятного знака. Подобные постройки появлялись и в конце XIX в. Так, украшением города стала Царская триумфальная арка, спешно выстроенная к встрече наследника престола цесаревича Николая в июне 1891 г. Проект городского архитектора В.А. Рассушина был выдержан в характерном для древнерусского каменного зодчества стиле. Сложенная из красного нештукатуренного кирпича Царская арка поднимала на своих фигурных столбах граненый островерхий шатер, завершающийся государственным гербом. С одной стороны от Арки шел деревянный помост к Кафедральному собору, с другой — длинная и широкая лестница спускалась к берегу реки.

Несмотря на заметные изменения во внешнем виде и благоустройстве, Иркутск еще в середине XIX в. не производил впечатления крупнейшего административно-торгового центра Сибири. «Каменных домов было мало, — вспоминал В. Вагин, — Дома большею частью были деревянные, в один или два этажа, в три сажени и в три окна по фасаду, с высочайшими крышами. Большая улица почти вся была застроена такими домами; на ней только еще начинали появляться красивые, но тоже деревянные постройки. Лучше других были постройки на Заморской (ныне Амурской) улице, на Тихвинской и Ивановской площадях и по Ангарской набережной, между Большою и Харлампиевскою улицами. Город доходил только до Иерусалимской горы; но и тут местность, ближайшая к Ушаковке, была еще мало заселена» [5, с. 461–462]. Впрочем, по свидетельству Н.С. Романова, к этому времени некоторые изменения произошли в стилевых особенностях жилой застройки Иркутска. «Тип старинной постройки небольших домиков с мезонинами, антресолями и высокими пирамидальными крышами начинает заменяться новым типом с более пологими крышами, без мезонинов» [10, с. 15].

В начале 1840-х гг. губернским архитектором Суторминым был составлен новый план города. В течение ряда лет он уточнялся и дополнялся. Городской архитектор А.Е. Разгильдеев закончил его только к 1848 г. Рост городской застройки и инфраструктуры потребовал дальнейшей работы над городским планом. В 1864 г. была проведена новая инструментальная съемка Иркутска, и в следующем году появился новый план, составленный губернским землемером П.В. Никитиным. Примечательно, что на этом плане впервые были введены горизонтали, передающие особенности местного рельефа [25, с. 116]. Кроме того, это был первый, из известных нам, план города с названием почти всех улиц и переулков. Главным достоинством плана 1865 г. была его архитектурно-пространственная информативность, максимально отвечающая требованиям своего времени. Она была осуществлена методически последовательно: через квартал к каждому отдельному домовладению, и далее — от исторического центра города к его предместьям. Детализация плана шла по линии внутриквартальной парцелляции (делением на участки), фиксации всех существующих

построек и функционального зонирования усадебных комплексов [25, с. 116].

Забота о расширении и спрямлении улиц, противопожарной безопасности города нашла отражение и в картографических документах. Так, в 1868 г. при проектировании очередного плана города в соответствии с циркуляром МВД от 8 июля 1867 г. губернский совет определил, «чтобы по обеим сторонам улиц Большой и Амурской не были разрешаемые к возведению постройки деревянные, а только каменные»¹. При рассмотрении этого же плана в следующем году было решено расширить зону каменной застройки центра города: «по крайней тесноте строений, угрожающей опасностью во время пожаров, кварталы, ограниченные улицами Тихвинской, Большой, Ланинской и Набережной, предназначить исключительно под каменные постройки» [25, с. 124].

Своеобразным рубежом в развитии города стал печально известный пожар 1879 г. До него город развивался без каких-либо скачков, степенно, осваивая центральную часть и лишь слегка обозначая свои окраины. Он в большей степени сохранял черты самобытной деревянной архитектуры. Немногочисленные каменные здания как бы растворялись в общем деревянном жилом массиве. В среднем на сто деревянных зданий приходилось три каменных. В 1833 г. город, по-прежнему, состоял из трех частей. В нем насчитывалось 42 больших и 58 малых улиц, а всех домов было 1889, в том числе 56 каменных. К середине XIX в. осваивается почти вся наиболее удобная равнинная территория вдоль Ангары и Ушаковки, и город вплотную подходит к нагорной части. В 1851 г. в городе было 2400 домов, а в 1877 г. — 4500. В Иркутске в это время насчитывалось уже 127 улиц и переулков. Из них 91 находилась в центральной части города, 18 в Знаменском предместье. 17 в Ремесленной слободе. Глазковское предместье состояло из одной улицы, протянувшейся вдоль берега Ангары [10, с. 371].

С 1864 г. в сибирских городах разрешено было строить деревянные дома в два этажа на каменном фундаменте, но увеличение этажности не внесло принципиальных изменений в сложившийся тип жилого дома. В допожарном Иркутске лишь центральные

улицы соответствовали его статусу губернского центра. «Как и все русские города, — писал П. Ровинский, — Иркутск не имеет ничего особенного ни в своих постройках, ни в расположении. Как и везде, есть в нем так называемая Большая улица, с тротуарами и шоссированной мостовой, на ней красуются до 5 каменных домов, несколько магазинов при домах, 3 фотографии, ... множество вывесок, мелочных лавочек, колбасных, питейных заведений, часовщиков и др. Улица вообще очень живая днем и не засыпающая до глубокой ночи, когда во всех других улицах давно уже спят крепким сном» [21, с. 201]. В 1877 г. в Иркутске была произведена полная инвентаризация всех городских строений. Всего в городе насчитывалось 3022 двора и 4504 жилых дома. Распределялись они следующим образом. Основная масса — 2401 двора и 3773 дома — в центральной части города. Почти равномерно обывательские строения распределялись по Знаменскому предместью (соответственно 253 и 287) и Ремесленной слободе (285 и 323). Меньше всего было застроено Глазковское предместье, в котором считалось всего 83 двора и 121 жилой дом [10, с. 371].

Большая концентрация деревянной застройки, отсутствие элементарного благоустройства, удобных подъездов, слабая противопожарная служба способствовали частым пожарам. Большинство построек было усадебного типа, вмещающие различные флигеля, хозяйственные строения, бани и т.п. В 1879 г. Иркутск постигло страшное несчастье, от которого он долго не мог оправиться. Пожарами 22–24 июня была уничтожена вся центральная часть города. Выгорело 75 кварталов, в которых находилось 105 каменных и 3418 деревянных строений. Сгорели все торговые и казенные постройки. Погибло в огне и умерло от ожогов 11 чел. Убытки составили до 7,5 млн р. только от уничтоженной недвижимости, а частного имущества и товаров погибло на сумму до 20 млн р. [24, с. 422].

После пожара в центральной части города развернулось массовое каменное строительство. В 1883 г. городская дума запретила строительство деревянных сооружений не только по линии центральных улиц, но и на расстоянии десяти сажень вглубь. Полностью запрещалось на всей территории города устройство жилых помещений и бань в пристрое с другими хозяйственными заведениями. В городе была проведена полная топографичес-

кая съемка, а в 1887 г. по заданию городской Управы составлен новый генеральный план губернского центра, определивший новые подходы к регулированию капитального строительства в центральных кварталах. Обновление города после пожара 1879 г. заметно изменило его внешний вид, придав ему европейский вид, но лишило уюта и старины. Наблюдательный журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший Иркутск вторично в 1886 г. не преминул это отметить: «Вид его меня несколько разочаровал. Золоченые и разноцветные купола, белые колокольни и обильная зелень, когда смотришь на них с противоположного берега реки, сообщают его облику какую-то восточную живописность, но тому, кто оказывается на его улицах, он представляется большим, деловым, процветающим и вместе с тем хаотически застроенным и малопривлекательным русским провинциальным городом... Вообще он показался мне менее интересным и привлекательным, чем в 1867 году» [11, с. 318].

Вопросы коммунального хозяйства только во второй половине XIX в. стали предметом рассмотрения городских властей Сибири. С наступлением темноты вся жизнь в городах замирала. Уличное освещение появилось только в середине XIX в. и лишь в крупнейших городах. В Иркутске в 1836 г. было установлено 10 первых фонарей, а вскоре еще 50, которые были размещены по Большой и Амурской улицам. В 1849 г. городской голова И.С. Хаминов за свой счет изготовил еще 76 фонарей [23, т. 2, с. 396]. В качестве горючего в них использовалось специальное масло. Ненадежные, дающие сумеречное освещение масляные лампы, тем не менее, использовались более четверти века. В Тобольске уличное освещение появилось еще позже, в 1857 г. В других городах Сибири не было и этого. В 1870-х гг. в Иркутске появилось 200 фонарей, действующих на спирто-скипидарной жидкости. А спустя десять лет их заменили на керосиновые фонари, которые были настолько лучше, что горожане их стали просто красть. В 1892 г. в Иркутске насчитывалось 423 керосиновых фонаря, но жители жаловались, что горят они «до появления луны на небе» [23, т. 2, с. 395]. Иркутянам было уже, с чем сравнивать. В ряде домов и магазинах города в это время было уже установлено электрическое освещение. В марте 1901 г. иркутская городская дума принимает решение об использова-

нии электричества для освещения улиц. В городе учреждается комиссия по устройству электрического освещения. К 1906 г. в Иркутске действовали уже три частных электростанции, но этого было мало. Городские власти за счет бюджета и банковского кредита построили собственную станцию, электричество которой использовали для освещения улиц и для продажи частным абонентам. Уже осенью 1910 г. муниципальным электричеством пользовалось около 1 тыс. абонентов [7, с. 170].

В 1880–1890-х гг. достаточно интенсивно развивалась транспортная инфраструктура города. Был построен понтонный мост, обеспечивший связь с левобережной частью Иркутска. В городе действовало 316 номеров извозчичьих экипажей, с конца XIX в. появились первые дилижансы и omnibusы на конной тяге. Они обеспечивали проезд не только по городу, но и в ближайшие окрестности города на дачи по Иркуту и Кае, к Вознесенскому мужскому монастырю, в Лисиху. Успехи в развитии городского электричества позволили городской думе заняться разработкой проекта по созданию электрического трамвая, который, впрочем, так и остался на стадии обсуждения.

С середины 1880-х гг. начинается телефонизация Иркутска. Первые телефоны были установлены в 1887 г., а спустя десятилетие в городе насчитывалось 206 телефонных абонентов [22, с. 350]. В то же время город не имел не только канализации, но даже водопровода. Обеспечение Иркутска водой решалось на протяжении рассматриваемого периода достаточно просто. Во дворах большинства горожан и по улицам было вырыто множество колодцев. Кроме того, прибрежное расположение города также способствовало обеспечению водой горожан. В Иркутске основными поставщиками воды для питья, в противопожарных и технологических целях служили воды Ангары, Иркуты, Ушаковки и других более мелких рек и ручьев. Доставка к потребителям осуществлялась водовозами. В зимнее время в реках делались проруби, а для технических целей специальные полоскательные будки. Их сдавали в аренду с торгов. Только к концу XIX в. в Иркутске приступили к строительству паровых водокачек, а вопрос об устройстве водопроводов затянулся до начала следующего столетия. В 1902 г. была создана комиссия по разработке вопроса о сооружении в Иркутске водопровода. Автора-

ми проекта водопровода выступили местные предприниматели Кравец и Шлезингер, организовавшие Иркутское водопроводное товарищество. Было выстроено несколько водонапорных башен, с которых вода подавалась в дома зажиточных горожан. Первый городской водопровод обслуживал небольшую часть центра города и подавал с сутки около 70 тыс. ведер. В последующие годы водопроводная сеть развивалась и ширилась.

Еще хуже обстояло дело с утилизацией и вывозом нечистот. Основными сборниками нечистот были выгребные ямы во дворах горожан. Частично эти нечистоты через сточные канавы попадали в речные водоемы, но в основном вывозились ассенизационными обозами в специально отведенные местности. Вопрос о постройке городской канализации в дореволюционное время так и не был решен городскими властями. Предложенный инженерами Зиминным и Карельских общий проект канализации города оценивался в несколько миллионов рублей, что было неподъемно для городского бюджета [7, с. 173]. По центральным улицам устраивались водосточные канавы, но за состоянием их следили плохо, что приводило к разрушению полотна дорог, подтоплению подвальных помещений. Нельзя сказать, что муниципальные власти не уделяла должного внимания проблемам санитарного состояния города. Очистка улиц сдавалась подрядчику с торгов на год, отслеживался процесс вывоза и свалки снега, мусора и нечистот в строго определенные места. Неоднократно принимались постановления о порядке сбора и вывоза с городских улиц отбросов. В соответствии с ним домовладельцы обязывались ежедневно выметать улицы, тротуары и канавы, прилегающие к их домам, до 7 часов утра. Весь мусор надлежало складировать в специальные контейнеры. По мере наполнения домохозяевам следовало вывозить их в специальные места, указанные для свалки нечистот. Сюда же иркутяне должны были свозить и трупы погибших домашних животных. В зимнее время домовладельцам предписывалось расчищать перед домами сугробы, очищать тротуары от снега и во время гололеда посыпать их песком [3, с. 43]. Но все это касалось центральных улиц, а в стороне от них и на окраинах все оставалось по-прежнему.

Таким образом, несмотря на общую экономическую и социально-культурную отсталость сибирских городов от Европейс-

кой России, в их внешнем виде и благоустройстве в рассматриваемое время начинают происходить заметные изменения. Ярким примером развития городской планировочной среды и коммунального хозяйства был Иркутск. С середины XVIII в. здесь формируется городская среда с элементами четкой регулярной застройки, включающей в себя организацию улиц, площадей и набережных. Во второй половине XIX в. закладываются основы коммунального хозяйства, создаются зеленые зоны и места отдыха. Благодаря усилиям городского самоуправления и самих горожан внешний облик и благоустройство города изменялись к лучшему, придавая ему столичный лоск и своеобразие.

Список использованной литературы

1. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год / В. И. Вагин. — СПб., 1872. — Т. 2.
2. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П. Головачев. — М. : Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнарера, 1902. — 300 с.
3. Гончаров Ю. М. Благоустройство городов Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / Ю. М. Гончаров // Сибирский город XVIII — начала XX веков. Вып. 5. — Иркутск : Отгиск, 2005. — С. 35–49.
4. Джулиани Ю. Иркутский быт / Ю. Джулиани // Северная пчела. — 1833. — № 284-285.
5. Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. — 542 с.
6. Ивонин А.Р. Из истории благоустройства в городах Западной Сибири в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. / А. Р. Ивонин // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 1. — Барнаул : Изд-во АГИИК, 2001.
7. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 2002. — 511 с.
8. Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) // Труды ВСОИРГО. — Иркутск, 1911. — № 5.
9. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Отгиск, 2003. — 848 с.
10. Иркутская летопись 1857–1880 гг. / сост. Н. С. Романов; ред. И. И. Серебренников. — Иркутск : Тип. И.П. Казанцева, 1914. — 410 с.
11. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886) / Дж. Кеннан. — СПб. : Изд-во Рус.-Балт. инф. Центр, 1999. — Т. 1.
12. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. / А. Н. Копылов. — Новосибирск : Наука, 1974.

13. Корнилов П. Н. Замечания о Сибири / П. Н. Корнилов. — СПб. : Тип. Карла Крайя, 1828. — X + 105 с.
14. Куприянов А. И. Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. / А. И. Куприянов // Город и деревня в досоветский период (Бахрушинские чтения 1984 г.) : Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 1984. — С. 76–87.
15. Летопись города Иркутска XVII — XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. — 320 с.
16. Ляпин А. Зеленое кольцо Иркутска. Возрождение утопии 100 лет спустя / А. Ляпин // Проект Байкал. — 2005. — № 5.
17. Манассеин В. С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) / В. С. Манассеин // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. — Иркутск, 1936. — Т. 1. — С. 6–25.
18. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII — XIX веках / С. С. Ожегов. — М. : Стройиздат, 1984. — 168 с.
19. Паршин В. Поездка в Забайкальский край / В. Паршин. — М. : Тип. Н. Степанова, 1844. — Ч. 1.
20. Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская / М. Петров. — М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. — 205 с.
21. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири / П. Ровинский // Древняя и новая Россия. — 1875. — № 2. — С. 201–219.
22. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; сост., предисл. и прим. Н. В. Куликаускене. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 560 с.
23. Чернигов А. К. Иркутские повествования 1661–1917 годы: в 2 т. / А. К. Чернигов. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 2 т.
24. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 — 1882 гг. / И. В. Щеглов. — Сургут : Северный дом, 1993. — 463 с.
25. Щербин В. Т. О плане Иркутска 1865 года, предшествующей планиграфии и топонимике города / В. Т. Щербин // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — Иркутск, 2004. — Вып. 3. — С. 115–133.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, К. Маркса, 1, e-mail: wodalis@yandex.ru.

Author

Shakherov Vadim Petrovich — PhD in History, Associate Professor, Department of History of Russia, Irkutsk State University, 1, K. Marx Street, Irkutsk, 664003, e-mail: wodalis@yandex.ru.